

САМУРАИ XX ВЕКА

ЯПОНИЯ ПРОТИВ РОССИИ

XX военные
тайны
века

А.В. ШИШОВ

Военные тайны XX века

Алексей Шишов

**Самураи XX века.
Япония против России**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Шишов А. В.

Самураи XX века. Япония против России / А. В. Шишов —
«ВЕЧЕ», 2023 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4484-8944-0

Самураи — военное сословие в средневековой Японии, прекратившее своё существование в конце XIX в., но самурайский дух продолжал культивироваться в вооруженных силах императорской Японии. Он ярко проявился во всех войнах, которые Япония вела в первой половине XX в., включая Русско-японскую войну 1904—1905 гг. и Советско-японскую войну 1945 г. И только разгром Квантунской армии советскими войсками, ознаменовавший окончательное поражение Японии во Второй мировой войне, приводит к его постепенному угасанию. О всех этих событиях подробно рассказывается в книге военного историка А.В. Шишова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4484-8944-0

© Шишов А. В., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Слово от автора	6
Часть первая	8
Часть вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	30

А.В. Шишов
Самураи XX века. Япония против России

© Шишов А.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Слово от автора

Самурай – слово знаковое не только для Японии, но и для ее соседей, ближних и дальних. Свидетельство тому – история империи на Японских островах, которую называют также Страной восходящего солнца, история ее многочисленных войн, в том числе и века прошлого – XX века, история ее взаимоотношений и с Российской империей, и с Советским Союзом.

Самурайский дух царил в армии и на флоте Японии в каждом военном столкновении, в каждой войне империи на Японских островах со своими соседями на водах Тихого океана и его морей. Он присутствовал во всех военных конфликтах с Российской империей и Советским государством, будь то китайская Маньчжурия, территория Кореи и границы марионеточной империи Маньчжоу-Го, Дальний Восток и Забайкалье, советское побережье Тихого океана.

Русско-японская война по своему размаху на суше и на море смотрится в истории широкомасштабной. Боевые действия более столетия тому назад, в 1904 и 1905 годах, велись не только на Квантуне и в Маньчжурии, и на водах Желтого и Японского морей. Они имели место в Корее – в северной ее части и под стенами столичного города Сеула, на морских подступах к крепости Владивосток у острова Русский, на острове Сахалин и на далекой Камчатке, у побережья Японских островов.

Для Российской империи Японская война закончилась поражением, пускай обидным, но не определившим дальнейшие отношения двух держав, их дальнейшее поступательное движение в своем развитии. Гражданская война в России закончилась в 1922 году после эвакуации японских оккупационных войск из Владивостока. Однако мира на дальневосточных границах это не принесло. Пограничные инциденты на суше и на море вылились в проверку прочности Советского Союза в необъявленных региональных войнах у озера Хасан и на реке Халхин-Гол.

Во Второй мировой войне милитаристская Япония с первого до последнего ее дня оставалась откровенно враждебным СССР государством, союзником гитлеровской Германии. Совсем не случайно в Маньчжурии ждала своего часа почти миллионная (с союзниками) императорская Квантунская армия. Лишь неудачи немецко-фашистских войск не позволили Токио послать ее в поход в советские пределы. А какие планы строились: дойти до Байкала, получить госграницу с Германией у города Омска!

Советско-японская война 1945 года стала своеобразным историческим реваншем за Русско-японскую войну 1904–1905 годов. Стремительный порыв трех фронтов – Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных, поддержанный Тихоокеанским флотом и Краснознаменной Амурской речной военной флотилией, покончил с постоянной угрозой со стороны японских самураев советским границам. С того далекого года здесь перестали блистать самурайские мечи.

Советские войска в едином порыве, в считанные дни прорвали японские укрепленные районы, включая такие мощные, как Муданьцзянский и Хайларский, провели Сейсинскую десантную операцию, овладели островом Шумшу, прошли всю Маньчжурию. Стремительность наступления не оставила неприятелю шансов на возведение преграды перед ним. Милитаристская Япония после такого сокрушительного удара без долгих размышлений капитулировала перед союзниками.

Советско-японская война 1945 года с предельной ясностью подвела черту под Второй мировой войной на Тихом океане. Советский флаг подняли над морской крепостью Порт-Артур, были возвращены Отечеству южная половина острова Сахалин и Курильские острова, получен прямой выход в мировой океан. Это была долгожданная, через четыре десятка лет, историческая победа.

История самурайства – это история войн императорской Японии на протяжении многих столетий. Данная книга, которая выносится на суд читателей, посвящена той ее части, которая соприкоснулась с нашей исторической памятью, с судьбой России.

*Алексей Шишов,
военный историк и писатель*

Часть первая

Самураи – служилое сословие Японии

Последний раз Япония скрещивала с Советским Союзом свой самурайский меч в 1945 году, в финале Второй мировой войны. Но перед этим была длинная цепь больших и малых пограничных военных конфликтов, в которые как-то не вписываются японская оккупация на Дальнем Востоке и в Забайкалье в годы Гражданской войны в России и необъявленная война в 1939 году на реке Халхин-Гол, являющейся границей между Монгольской Народной Республикой и созданной японцами марионеточной империей Маньчжоу-Го.

Зримо венчает весь этот «букет» противостояний двух государств широкомасштабная Русско-японская война 1904–1905 годов. В этих событиях всегда и всюду блистал самурайский меч, с которым раз за разом скрещивалось русское оружие. Во всех случаях длительного исторического противостояния двух соседних стран японскими военными людьми «верховодил» самурайский дух. И никакой иной. Напрашивается вопрос: кто такие в нашем миропонимании самураи?

Самурай в узком, и чаще всего употребляемом значении – это военное сословие мелких дворян в феодальной Японии, довольно многочисленное с самого момента его возникновения. Существовало оно на протяжении более четырнадцати столетий, сохраняя свою корпоративность, замкнутость, незабываемость традиций и воинственный дух. В действительности самураями в истории Страны восходящего солнца были и крупные владетельные князья (даймё), и мелкие дворяне, часто безземельные.

К слову «самурай» близко слово «буси». Но «бу» переводится как «воин», и оно в прошлом Японии не всегда относилось только к самураям по происхождению. В истории империи на Японских островах самураи составляли только ядро ее военной силы, всегда профессионально и морально готовое сражаться, более того – беспрекословно за своего монарха-микадо и господина в образе владетельного князя-даймё.

Здесь следует заметить, что сравнение самураев с рыцарством средневековой Европы во многом неверно, поскольку аналогия между ними может быть только довольно относительной и неубедительной. И уже совсем самурайство не идет в сравнение со служилым дворянством в далеком прошлом России, равно как и с дружинниками русских князей – удельных и великих киевских, владимирских московских...

Само слово «самурай» происходит от старинного слова «служить» («сабурау»). Более точно: самурай – это «служилый человек», восточный воин-рыцарь. Но самураи в истории Страны восходящего солнца – не только бесстрашные воины, но и преданные телохранители своего князя-даймё или сюзерена, в мирное время исполнявшие повседневно обязанности рядового слуги, но с законным правом ношения личного оружия (два меча) и хорошо оплачиваемого.

Исторически оружием любого самурая, в отличие от остального воинства, служили два меча (дайсе). С XIV по XIX век их называли «катана» и «вакидзаси». Причем первый из них гораздо более известен, чем второй. Такие мечи передавались по наследству, были фамильной гордостью и священной реликвией семьи, рода. Самурай был обязан в ту эпоху умело и метко владеть длинным луком. Профессионально владел он и другими видами холодного оружия.

Самурайские доспехи изготавливались из большого числа пластин, искусно и плотно пришнурованных друг к другу, и особо не стеснявших движения воина в бою, хотя со стороны не посвященному в их секрет человеку обманчиво виделись массивными. Одетый в боевые доспехи самурай только весьма отдаленно походил на европейского рыцаря и княжеского дружинника на Руси.

Весьма различны они и по вооружению. Это касается и холодного оружия, и метательного. И к тому же самураи в своем множестве конными никогда не были, как европейские рыцари, княжеские дружинники на Руси и поместные дворяне в истории старой России.

Исходя из истории раннего Средневековья Японии, самурайство зародилось в ходе реформ Тайка в 646 году. Как сословие даймё и самураи оформилось при императоре Камму в самом конце XIII – начале XIV века, когда японский монарх стал нуждаться в военной поддержке региональных кланов в борьбе против народа айнов в северной части острова Хонсю. Война с айнами длилась не одно столетие, плавно переходя в не менее кровавые княжеские междоусобицы.

То есть стоял вопрос о завоевании империей «северных территорий», какими являлись северная часть самого большого из Японских островов – Хонсю и соседнего Хоккайдо. В итоге тех военных походов самураев на север айны, как народ, который длительное время подвергался истреблению самурайскими дружинами, сохранились в небольшом числе только на острове Хоккайдо, где их потомки проживают и сегодня.

К тому времени в ходе кровавых феодальных междоусобиц X–XII столетий окончательно оформились влиятельные роды (кланы), которые обладали значительными военными силами, основой которых являлось все то же самурайство. Самурайство в ту эпоху на императорской службе значились только номинально, поскольку являлось сословием мелких дворян («гок-энин»), состоявших на службе у своих князей-даймё. Каждый самурай имел своего господина, что закреплялось клятвенной церемонией. Верность господину являлась долгом чести самурая. Высшим господином и для рядового самурая, и для его князя являлся божественный микадо – император Страны восходящего солнца.

В те далекие века окончательно сложился и моральный кодекс самураев «Путь лука и скакуна» («Кюба-но мити»). Позднее он превратился в свод заповедей самурайства «Путь воина», более широко известного как «Бусидо». Под этим названием его знали в XX столетии и знают в наше время, как моральный кодекс жизни и поведения воина-самурая. Заповеди «Бусидо» не переосмысливаются и не подвергаются сомнениям уже на протяжении многих веков.

Считается, что в Японии выделение самураев в особое сословие произошло в эпоху правления феодального дома Минамото (1192–1333 годы), который в длительном и непримиримом военном противостоянии с кланом Тайра вышел полным победителем. Так были созданы исторические предпосылки для установления в стране сёгуната – правления самурайского сословия с верховным военачальником (сёгуном) во главе. Выше его в стране был только император – микадо, на верховную власть которого всесильные сёгуны благоразумно не покушались.

С установлением сёгуната Страной восходящего солнца император правил теперь только номинально. Но его на Японских островах почитали все. И подписанные им высочайшие указы обсуждению не подлежали. Впрочем, в силу многих обстоятельств микадо той эпохи не стремился к самодержавию и был совсем не похож, скажем, на царя Ивана IV Васильевича, более известного нам как Иван Грозный. Или на английского короля Вильгельма I Завоевателя, известного в истории еще и как герцог Вильгельм Нормандский.

Победитель феодального дома Тайра князь-даймё Минамото Ёритомо заставил императора (микадо), формального обладателя высшей власти, присвоить ему титул сёгуна. Так он стал высшим по рангу самураем и главным министром в одном лице (сиккэном), реально обладавшим полнотой власти в стране. Его резиденцией стало рыбацкое селение Камакура. Минамото был в прошедшем XX веке и по сей день остается кумиром японского самурайства, то есть его потомков и почитателей традиций в Стране восходящего солнца.

Биография Минамото Ёритомо, первого японского диктатора с титулом сёгуна («великого полководца»), главы клана Минамото, особо почитаемого во все последующие века, действительно поучительная. Весьма поучительная не только для самураев и их потомков, но и для истории Восточной Азии, для соседей Японской империи по восточным морям Тихого океана.

В XII столетии в Японии не прекращалась кровопролитная и непримиримая война между ведущими феодальными кланами Фудзивара, Тайра и Минамото. Императоры-микадо Страны восходящего солнца порой являлись только картинно номинальными правителями, а реально за них правили регенты-диктаторы сперва клана Фудзивара, а потом кланов Тайра и Минамото.

Япония в том столетии пережила ряд феодальных войн. Девять лет между собой воевали кланы вначале – Абэ и Минамото, после Киевара и Минамото. В 1156 году прошла война под названием «Хогэнноран». Поводом для нее стал спор за отцовский престол священного микадо между двумя братьями – Госиракавой и Сутоку. Первый победил при помощи воинов-самураев клана Тайра и стал императором Госиракавой I. Он отправил проигравшего войну родного брата в ссылку на отдаленный остров, внимательно присматривая за ним из столицы.

Вскоре после этих событий клан Минамото потерпел жестокое поражение от клана Тайра в ходе самурайской войны под названием «Хейдзи». Клан Минамото долгое время исподволь собирался с силами, чтобы в смертельной схватке взять кровавый реванш.

Решающая схватка между кланами Минамото и Тайра вылилась в войну 1180–1184 годов, в конце которой дружины самураев множество раз нападали друг на друга. В те годы клан Минамото во главе с военачальником Минамото Ёритомо воевал против клана Тайра, во главе которого стоял диктатор японского Средневековья Тайра Киеморе.

Война, битвы, стычки самурайского воинства носили самый ожесточенный характер. Часто на поле брани побеждала хитрость соперника. Пленных, как правило, не брали. Победная чаша весов сначала клонилась на сторону более многочисленных Тайра. Но постепенно от них отошел ряд крупных феодалов (князей-даймё), имевших собственные сильные отряды самураев. Они были недовольны самоуверенным правлением диктаторского клана и присоединялись к клану Минамото.

Войска Тайра, которым изменила удача, стали терпеть серьезные поражения. В 1183 году они силой оружия были изгнаны из столичного Киото, в котором во время любых военных потрясений на Японских островах возвышался неприкосновенный дворец обожествленного микадо. На императорскую обитель никто не покушался даже в самое мятежное время: для истории Японии это было неписаной традицией, частью менталитета ее японского народа.

После изгнания из Киото самураев клана Тайра ожидало еще одно сильное поражение. Они проиграли важную для них битву с самураями клана Минамото на острове Сикоку, но сохранили свои значительные силы, чтобы продолжать междоусобную войну.

Решающее сражение между двумя кровными врагами состоялось в последний год войны. В проливе Симоносеки, который соединяет Корейский пролив с Внутренним Японским морем, состоялась морская битва двух огромных парусно-гребных флотилий. Одновременно на суше сразились две сухопутные армии. Об отступлении ни одна из сторон даже и не помышляла, поскольку за попытку бегства рядовой воин или моряк (не самурай) сразу же мог лишиться головы.

Силами клана Минамото талантливо командовал брат Ёритомо – полководец Есицуно. Отличились в низвержении клана Тайра на поле (и на море) брани и другой брат Ёритомо – Есио и кузен Есинако. Сражение завершилось полной победой армии и флота Минамото. Из войск клана Тайра спастись не удалось (если верить исторической хронике) практически ни одному человеку. Раненые воины добивались самым безжалостным образом. Подобных примеров кровавой жестокости мировая военная история знает немного.

Еще несколько лет назад могущественный клан Тайра диктовал свою волю всей Японии. В последней битве той феодальной войны на водах и на берегах пролива Симоносеки он, как таковой, фактически перестал существовать. Таков был вполне прогнозируемый финал действительно кровавого противостояния двух самурайских кланов, объединений-общин.

Так в 1185 году в Стране восходящего солнца установилась диктатура Минамото Ёритомо, начинавшего свой путь к вершине реальной власти в империи на Японских островах

рядовым самураем. Но, возвысившись, чтобы обезопасить себя, он приказал убить своих родных братьев Есицуно и Есио, кузена Есинако – победителей армии и флота клана Тайра, героев только-только закончившейся войны. Были серьезные опасения, что они вероломно составляют (или уже составили) заговор против главы клана.

«Злодейское» убийство сразу же было приписано самураям недружественного клана Фудзивара, когда-то всевластно правившего страной. Его самурайские дружины также были безжалостно истреблены кланом Минамото. Так «воцарившийся» японский диктатор устранил еще одного из своих возможных, потенциальных соперников у кормила государственной власти.

Минамото Ёритомо вошел в многовековую историю Страны восходящего солнца не только как признанный герой эпохи самурайства. Он стал первым ее диктатором с титулом сегуна («великого полководца»), то есть главнокомандующего армией и флотом империи. Этот титул был дарован главе клана Минамото микадо Госиракавой I, который наконец-то избавился от самоуверенного и, и что для японской истории весьма странно, непочтительного к его божественной особе клана Тайра.

При сегуне Токугава начался золотой век самурайства. Его численность была столь велика, что в ту эпоху каждый, как считается в истории этой страны, пятый мужчина-японец был самураем, что обеспечивало его высокий статус в обществе. Это был относительно мирный период жизни на Японских островах, если, разумеется, не считать монгольского вторжения с материка, которое закончилось полным провалом для воинственных потомков Чингисхана. Самураи в тех войнах, которые пришли на Японские острова с материка в виде армад военных парусников с множественным десантом на борту, играли заглавную роль.

Пожалуй, впервые, когда самураи заявили о себе за пределами Японских островов, стало вторжение японской армии на корейскую землю в 1592–1598 годах. Тогда получили известность такие самурайские генералы, как Като Киёмаса, Кониши Юкинага и Симадзу Есихиро. Первый из них вошел в военную историю Восточной Азии тем, что он из пределов Кореи во главе войска самураев вторгся в соседнюю Маньчжурию. Иначе говоря, Есихиро проложил путь в ту обширную область Восточной Азии, которая в XX веке станет ареной двух для мировой истории больших войн Японии, сперва против Российской империи, затем с Советским Союзом.

Однако время недержимо шло вперед, и японская армия, как и флот, неумолимо меняли свой облик: организация, вооружение, система воинского обучения становились современнее. Только лишь самурайский дух не исчезал в среде офицерского состава, как младшего, так и начальствующего. Но собственно самурайство, как вполне самостоятельная организованная военная сила, в последний раз проявило себя в 1867 году в войне «Босин» на стороне божественного микадо.

Герои-самураи в японской военной истории относятся к числу знаменитых личностей. Их почитают и помнят, о них много пишут, создают живописные полотна и художественные кинофильмы, вспоминают в большие праздники. Лучшим свидетельством тому может служить величественный памятник самураю Кусуноки Масасигэ, конная статуя которого в самой торжественной обстановке была установлена перед Токийским императорским дворцом. На острове Омисима есть самурайское святилище Оямадзуми.

Самураи, ранее только воинское сословие, постепенно становились правящим классом в империи на Японских островах, фанатически преданным монарху Страны восходящего солнца – божественному микадо. Образ самурая в относительно мирное время – эпоху Эдо (с 1603 по 1868 год) – стал неумолимо меняться. Самураи теперь не только монополизировали офицерскую касту армии и флота Японии, но и оказались численно заметной частью в государственной системе управления. Это касалось как экономической, так и политической, общественной жизни страны.

В этой управляющей страной среде тоже зримо витал самурайский дух, хотя об этом не говорилось громко и вслух. Но о том знал каждый житель островного государства, на долгое время огородившего себя от иностранного влияния. Интересен такой факт: в 1870-х годах с их великими в истории Японии реформами семьи самураев составляли пять процентов населения страны (400 тысяч семейств).

Самураи в итоге вполне логично стали наследственной военной знатью и офицерской кастой в средневековой и ранней современной Японской империи. То есть с конца XII столетия до 1876 года, когда самурайство, как таковое, было официально упразднено. Раз и навсегда. Бесповоротно на все остальное будущее.

Этот государственный акт упразднения имел символическое выражение: в тот год самураев лишили их главного привилегированного права – права носить два меча. Самураи лишались также права одеваться и стричься как самураи прошлого. Теперь своим внешним обликом они ничем не отличались от крестьянина и горожанина. Но только внешне, что секретом быть просто не могло.

Более того, в те годы прошла реорганизация императорской армии: в стране вводился «общий призыв». Впервые за много столетий самурай и простой крестьянин стали служить в одном полку и воевать под одним знаменем за божественного микадо. Япония в новую эпоху больше не нуждалась в самурайской касте, как в военной силе и отдельно взятой военной организации. Равно как и в отдельных частях армии, составленных только из потомственных самураев.

Именно тогда самурайский кодекс чести «Бусидо» был списан в исторический архив, а царивший в стране на протяжении семи столетий самурайский воинский дух, изложенный в «Бусидо», казалось бы, похоронен навсегда. Но это было только на бумаге, но не в жизни японского общества, не в сути и традициях японской императорской армии и не на императорском военном флоте. И прежде всего на войне.

Такое «упразднение» самурайства, как сословия, не искоренило суть японской офицерской касты ни в войнах конца XIX века, ни в первой половине XX века. Это прямо касается всех военных столкновений в пределах российского Дальнего Востока и Забайкалья, и, прежде всего, Русско-японской войны 1904–1905 годов и Советско-японской войны 1945 года. Более того, качества «идеального японского солдата» XX века почти соответствовали качествам самурая из феодального прошлого. «Идеальный японский солдат» должен был готов отдать жизнь за родину-императора-нацию, беспрекословно выполнять любые приказы, презирать роскошь, спокойно относиться к любым лишениям.

Самураи в прошедшем столетии были историческим идеалом для японских солдат, матросов и офицеров. Офицеры армии и флота были и оставались надежными носителями вековых самурайских традиций, поскольку гордились тем, что имели в самурайской касте свои родовые корни, что любой из них мог подтвердить собственной родословной. Писанной и неписанной.

В этих двух больших и, по сути, разных войнах на Дальнем Востоке, основным театром которых являлась китайская Маньчжурия, самурайство видится зримо. Хотя войны разделяет исторический промежуток в сорок лет, образ японского военнослужащего духовно изменился совсем мало. Равно как и его поведение на войне. Солдаты и офицеры, воспитанные на основе самурайской этики феодальных времен, сражались в этих войнах с фанатической преданностью императору-микадо, шли ради него и «Великой Японии» на самопожертвование.

Военачальниками в этих двух больших войнах Японии против старой России и Советского Союза в своем подавляющем числе были выходцы из самурайской касты. Кумирами Страны восходящего солнца в далеком 1905 году стали самураи полководец маршал Ивао Ояма и флотоводец адмирал Хейхатиро Того. Их почитают в благодарном отечестве и по сей день. Под стать им был японский генералитет и люди в адмиральских мундирах.

Они действительно добыли для истории своей страны великие победы – полную викторию в Японо-китайской войне и поражение (но не полное, даже спорное) старой России в Японской войне с ее порт-артурской эпопеей и разгромом 2-й Тихоокеанской эскадры при Цусиме. Это был всплеск торжества самурайского духа.

«Идеальный японский солдат», офицер-самурай, стремление создать «Великую Японию» – все это блеснуло и погасло в Советско-японской войне 1945 года. После этого империя на Японских островах, существующая по сей день, больше ни с кем не воевала. Вопрос только в том, чему научила история правящие сословия Страны восходящего солнца. Уже слишком много примеров мы знаем тому, что собственная история спустя многие годы кого-то ничему не научила.

Часть вторая

Русско-японская война 1904–1905 годов. Порт-Артур. Ялу. Ляоян. Шахэ. Сандепу. Мукден. Цусима

У Русско-японской войны 1904–1905 годов был исторический пролог – Японо-китайская война 1894–1895 годов. Для империи на Японских островах она стала пробой сил на скорое будущее. События тогда развивались быстро. Сформированное японцами новое правительство Кореи провозгласило независимость страны от Китая и сразу же обратилось за «помощью» к Токио. Там уже ждали такого поворота событий и были к нему готовы во всеоружии. 1 августа 1894 года Страна восходящего солнца объявила войну Китайской империи.

Но перед этим, 25 июля, японцы в чисто самурайском духе потопили в море английский транспортный корабль с китайскими войсками, которым предстояло десантироваться в Корею, уже оккупированной армией микадо. Транспорт встретил на своем пути крейсер «Нанива», которым командовал будущий флотоводец Японии, кумир самурайства Хейхатиро Того. Он не задумываясь приказал расстрелять британское судно, с которого ответить пушечным огнем не могли.

После этого Хейхатиро Того организовал спасение английской команды, но не стал подбирать из воды оставшихся в живых китайских солдат. Командир крейсера, самурай по духу и по рождению, даже отдал команду обстрелять из корабельных орудий спасательные лодки с китайцами.

Война длилась около восьми месяцев. Китайская армия терпит поражение на корейской земле в сражении под Пхеньяном. Флот Китая подвергается полному разгрому в морском сражении у острова Хаян (Хайяндао), лежащего в 70 милях от устья реки Ялу в Желтом море. После этих успехов японская армия вторгается в Маньчжурию. Одна армия высаживается на Ляодунском полуострове, другая, форсировав пограничную реку Ялу, наступает из Кореи по сухопутью. На своем пути сильного сопротивления они не встретили.

Японцы захватывают города Цзиньчжоу, Даляньвань (Дальний), Люйшунь (Порт-Артур), Ньючжуань. В провинции Шаньдун занимает важный порт Вэйхьайвэй, в котором укрывались остатки китайского флота. Он перестал существовать как таковой. В результате создается прямая угроза столице Китайской империи Пекину, войска которой всюду терпят поражения.

Однако высшее японское командование в лице маршала Ивао Оямы упускает время для похода на Пекин: в китайских провинциях начались весенние наводнения, а в японских войсках, действовавших в Маньчжурии, вспыхнула эпидемия холеры. Японцы стали вынужденно ожидать хорошей погоды для наступления, хотя было ясно, что исход войны уже предрешен.

В марте 1895 года в японском городе Симоносеки начались мирные переговоры. 17 апреля Япония и Китай (империя Цин, существовавшая с 1644 по 1912 год) заключают мир. Симоносекский мирный договор был неравноправным: страна-победитель продиктовала Китаю, понесшему в войне поражение, свои «пожелания».

Китайское правительство признавало «полную и безусловную» самостоятельность Кореи. Ее географическая близость к Японии делало Корейский полуостров частью ее «линии интересов». Не случайно в Токио говорили, что если полуостров попадет под влияние другой державы, то это будет все равно, как «нож у горла» Японии.

Китайская империя навечно уступала Стране восходящего солнца остров Формозу (Тайвань) и Пескадорские острова (Пэнху, или Пэнхуледао), а также полуостров Ляодун (Ляодунский) с прилегающими островами в Желтом море. Эти территории стали «законной» военной добычей победителей. И что самое главное для них – желанной добычей, своего рода «трофеем».

Пекин обязывался выплатить Токио огромную контрибуцию – военное вознаграждение в 200 миллионов дан (таэлей), что составляло в английских фунтах стерлингов сумму свыше 25 миллионов. Эту сумму Китаю предстояло выплатить в течение семи лет, а четверть ее – через шесть месяцев. Таких денег у побежденной страны не имелось, и Россия через посредничество Франции предоставила Китаю крупный заем для первого взноса контрибуции Японии и дала гарантии в отношении следующих взносов.

Писатель Валентин Пикуль в своем историческом романе «Три возраста Окини-сан» писал по этому поводу: «Россия, кажется, здорово сглупила, гарантируя Китаю заем для оплаты контрибуций Японии. Тем самым мы, русские, обеспечили самураям мощный финансовый источник развития их флота». Разумеется, военного флота.

Однако значительные территориальные приобретения Японии в войне вызвали отрицательную реакцию ряда европейских держав, считавших, что серьезное изменение баланса сил на Дальнем Востоке затрагивает их государственные интересы. В апреле 1895 года Россия, Германия и Франция направили Токио союзную ноту, требуя отказа от пункта Симоносекского мирного договора, который предусматривал передачу ей Ляодунского полуострова.

Нота возымела свое действие. Статья об отказе Китая от Ляодунского полуострова была полностью исключена из Симоносекского договора. Это, в первую очередь, устраивало Россию. За такое «великодушие» Токио дополнительно получил военное вознаграждение в сумме почти 5 миллионов английских фунтов стерлингов.

Такой пересмотр итогов победной для Страны восходящего солнца войны с Китайской империей вызвал среди японской общественности, особенно ее милитаристских кругов, то есть самурайства, крайнее возбуждение. Современники отмечали, что давление, оказанное европейскими державами, «не пришлось по нраву гордой и тщеславной японской нации, упоенной недавними победами, и стремления ее, задержанные на время, остались на будущие времена ее политическим идеалом».

Понятно, что главное негодование японцев сейчас же обрушилось на соседнюю Россию, как на ту европейскую державу, которой, по общему мнению, принадлежала вся инициатива коллективного протеста Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа. Японцы считали, что именно Российская империя стояла во главе дипломатического похода против Токио. Россия становится врагом № 1 для Страны восходящего солнца.

С 1895 года антироссийское настроение в японском обществе стало сильно возрастать, что нашло широкий отклик на страницах газет, вещавших о желательности войны с Россией. В мае того же года сторонники этого «общественного мнения» провели в Токио съезд своих представителей с участием официальных правительственных лиц. На съезде было единодушно одобрено обращение к микадо с требованием, чтобы России была объявлена война.

Присутствовавшие на этом представительном собрании офицеры императорской армии и флота торжественно поклялись на мечях могилами своих предков-самураев отомстить России за ее вмешательство в «японо-китайскую распрю». Императорское правительство умело воспользовалось таким антироссийским движением в стране и, начав подготовку к будущей войне против своего северного соседа – России, успело к 1904 году сделать ее делом всенародным. Этот факт большинство историков, пишущих о Русско-японской войне, по разным причинам стараются не признавать.

После Японо-китайской войны внешнеполитические события на Дальнем Востоке стали развиваться только в одном направлении – в постоянно усиливающемся противостоянии России и Японии, двух быстро развивающихся империй. Эти политические, экономические и дипломатические противоборства за десять неполных лет привели к большому вооруженному столкновению между ними – Русско-японской войне 1904–1905 годов. Основной причиной ее стал острый геополитический конфликт на Тихом океане между двумя государствами.

В 1895 году в Японии принимается программа ускоренного развития вооруженных сил государства. В 1897–1899 годах расходы на строительство военного флота достигли действительно астрономической величины – трети государственного бюджета. Правительство империи намеревалось в течение всего нескольких лет утроить численность сухопутных войск и вчетверо увеличить тоннаж военно-морского флота. Обе эти программные задачи Страна восходящего солнца успешно решила до начала войны с Россией.

Россия тем временем начала строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и в начале 1896 года заключила с Китайской империей оборонительный союз против Японии, которому не суждено было реализоваться. Первая статья договора гласила:

«Всякое нападение Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи будет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора».

Регулярное движение по КВЖД открылось 13 июля 1903 года. Административно-техническим центром железнодорожной магистрали, связавший Забайкалье с Владивостоком, стал город Мукден, который имел русские кварталы.

Одновременно Россия разрешила проблему незамерзающей военно-морской базы, что было настоятельной необходимостью в военном противостоянии с Японией. В декабре 1897 года русская эскадра вошла в Порт-Артур, а в марте следующего года с Китаем был подписан договор об условиях аренды на 25 лет южной части Ляодунского полуострова (так называемой Квантунской области) с портами и прилегающими островами. Порт-Артур превращался в главную военную базу русской Тихоокеанской эскадры, а соседний порт Дальний объявлялся открытым коммерческим портом.

Первые русские воинские части на Квантуне появились с прибытием из Владивостока парохода «Саратов». На берег сошли две сотни забайкальских казаков, дивизион полевой артиллерии и команда крепостной артиллерии.

Приобретение Квантуна с Порт-Артуром и портом Дальний российская общественность встретила с известной долей одобрения и понимания. Участник Русско-японской войны контр-адмирал Д.В. Никитин писал:

«Наше правительство предприняло в 1898 году очень смелый, но вполне правильный и своевременный шаг: оно заняло военной силой Квантунский полуостров, получив на это согласие Китая. Оно ясно сознавало, что путь владения Владивостоком лежит через Порт-Артур. Оставалось только по мере усиления Японии своей военной мощи соответственно усиливать сухопутную и морскую оборону вновь занятых областей».

Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этом нести, несомненно, явились бы каплей в море по сравнению с тем, что стоило бы оборонять рядом крепостей грандиозной длины границу вдоль реки Амур. Нечего говорить и о том, что они представлялись бы прямо ничтожными, если учесть тот моральный и материальный ущерб, какой понесла Россия в результате неудачной войны.

Но тут выступила на сцену так называемая российская общественность. Совершенно не разбираясь в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, наши тогдашние газеты зашумели о безумной аванюре. В обществе стали говорить: «Швыряются миллионами, чтобы великим князьям можно было нажиться на лесных концессиях на Ялу». Давление на правительство было поведено такое организованное и всестороннее, что по настоянию Витте средства на постройку Порт-Артурской крепости были значительно урезаны».

На Японских островах занятие Квантунского полуострова русскими вызвало очередной взрыв народного возмущения. «Занятие вами Порт-Артура проложило глубокую борозду между Россией и Японией, – говорил японский посланник в Лондоне виконт Хаяши российскому посланнику. – Это занятие породило в японцах и несомненную жажду мщения».

Неприязнь японцев к России была в те годы столь велика, что, по их собственному выражению, «они спали на хворосте, питались желчью и хотели небо пронзить своей ненавистью». Квантун, который они завоевали в войне с Китаем, в итоге оказался в руках их северного соседа, у «белых варваров». Россия «рисовалась японцам то в виде акулы, то в виде голодного тигра».

То, что Франция, Россия и Германия заставили Страну восходящего солнца вернуть побежденному Китаю Квантунский полуостров, вызвало в рядах императорской армии наибольшее возмущение. Известен факт, что в знак протеста против этого решения сорок высших чинов японской армии, несомненных самураев, совершили харакири.

В своих воспоминаниях генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин констатировал: «Война стала неизбежной, но мы этого не осознавали и в должной степени не готовились к ней». Отношения между двумя империями стали обостряться еще больше после того, как Россия стала укреплять свои позиции в Корее.

Деятельность японцев по ограничению русского влияния на корейской земле имела успех. В апреле 1898 года Россия и Япония подписали между собой главный протокол, по которому Санкт-Петербург официально признавал преобладание японских экономических интересов в этой стране.

Когда в 1900 году в Китае вспыхнуло мощное крестьянское восстание, инициатором которого стало тайное религиозное общество «Ихэцзюань», Россия и Япония оказались в союзе с другими странами, которые приняли меры для его подавления, то есть на время оказались союзниками. Поскольку на знаменах восставших красовался кулак, то европейцы называли повстанцев «боксерами», а само восстание – «боксерским». Когда оно перекинулось в Маньчжурию, то ряд участков КВЖД подверглось разгрому.

В его подавлении приняли участие также Великобритания, США, Германия, Франция, Австро-Венгрия и Италия. Союзниками командовал германский генерал-фельдмаршал фон Вальдерзее. В порту Даго был высажен сильный десант, после чего был занят столичный Пекин, где ихэтуани держали в осаде посольский квартал.

Японские войска (5-я дивизия) тоже участвовали во взятии Пекина и успешно действовали... при разграблении сокровищ многочисленных императорских дворцов. Они особенно «отличились» в том, что вывезли к себе, помимо прочей военной добычи, серебряную казну Китайской империи (в Китае исторически имела хождение не золотая, а серебряная валюта).

В 1901 году состоялись переговоры союзных стран с Китаем, в которых приняла участие и Россия. 7 сентября был подписан заключительный протокол, по которому на Китайскую империю была наложена новая контрибуция, составлявшая в пересчете на русские рубли около 1,5 миллиарда рублей.

Восстание ихэтуаней только отсрочило подготовку Страны восходящего солнца к войне со своим северным соседом. Целью ее был захват Квантуна, Маньчжурии и Кореи. То есть сокрушение русских позиций на Дальнем Востоке.

В июне 1901 года на Японских островах партия сторонников войны с Россией одержала большую победу. В отставку уходит сравнительно умеренное правительство маркиза Ито («старшего политического деятеля»). На смену ему приходит кабинет милитаристов Кацуры. Новое правительство в своем противостоянии России получает полное одобрение в парламенте. В нем создается шовинистическая парламентская группировка «Тайра досикай» («Антирусское товарищество»).

К началу войны Россия находилась в полной изоляции, поскольку ее договор с Францией не распространялся на Дальний Восток. Токио же заручилось поддержкой Лондона и Вашингтона. К тому же в России назревала революция. В силу этого стала известна фраза из уст министра внутренних дел В.К. Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

Война становилась скорой. Совет министров Японии 14 декабря 1903 года решил, «несмотря на продолжающиеся дипломатические переговоры, действовать так, как будто их результат представляется несомненным». В январе 1904 года на Японских островах началось планомерное сосредоточение транспортов и скрытая мобилизация.

Состояние русской армии и флота, вооружение, боевая подготовка в полной мере отражали уровень экономического, государственного и культурного развития России. Если сравнивать общую численность вооруженных сил Японии и России, то сразу заметно подавляющее превосходство последней. Второе превышая Японию по численности населения (соответственно 140 и 46 миллионов человек), Россия располагала кадровой сухопутной армией чуть больше 1 миллиона человек против 150-тысячной кадровой японской армии.

Обученный контингент резервистов русской армии доходил до 4,5 миллионов человек, в то время как в Японии вместе с кадровой армией он составлял не более 800–900 тысяч человек. Русский военно-морской флот превосходил японский флот по меньшей мере вдвое.

Все это было так. Но... основные районы дислокации и комплектования русской действующей армии находились в 9—10 тысячах километров от будущего театра военных действий. Ввиду низкой пропускной способности Транссибирской железнодорожной магистрали в Маньчжурию можно было подвозить не более двух дивизий в месяц. На начальном этапе войны приходилось рассчитывать только на немногочисленные войска, расквартированные в Восточной Сибири и Приамурье.

Базирование русского флота на Дальнем Востоке связывалось с одним серьезным упущением в обустройстве его баз. На скором театре войны у России отсутствовала судоремонтная база. Броненосцы для ремонта мог принимать только один док во Владивостоке.

В декабре 1901 года с Дальнего Востока для ремонта на Балтике ушел отряд контр-адмирала Г.П. Чухнина в составе эскадренных броненосцев «Наварин», «Сисой Великий», крейсеров «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Адмирал Корнилов». Все они, кроме последнего корабля, войдут в состав 2-й Тихоокеанской эскадры и погибнут при Цусиме в 1905 году.

В Генеральном штабе русской армии отсутствовал общий план войны с Японией. Его разрабатывал самостоятельно штаб Приамурского военного округа. Новый (куропаткинский) план исключал возможность высадки японских войск на Квантунский полуостров и наступление их по двум направлениям: или на Порт-Артур, или на Ляоян.

Для военно-морских сил план действий на Тихом океане был составлен в штабе царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева. В нем утверждалось, что главной целью японцев является захват Кореи и противодействие России в ее окончательном овладении Маньчжурией. Отсюда вытекали действия флота Тихого океана. В этом документе были сделаны следующие выводы:

«1) необходимо остаться обладателем Желтого моря и Корейского залива, опираясь на Порт-Артур,

2) не допустить высадки японской армии на западном берегу Кореи,

3) отвлечь часть японских морских сил от главного театра военных действий и предупредить второстепенными морскими операциями из Владивостока попытку высадить близ Приамурья».

Предусматривалось следующее боевое развертывание русского флота Тихого океана: главные силы – в Порт-Артуре, отдельный крейсерский отряд – во Владивостоке. В заключение было указано, что главная цель – «как можно дольше сохранить свои морские силы».

В этом плане на случай возможной войны с Японией поражало, прежде всего, то, что он не предусматривал ни каких активных действий против вероятного противника. Ему еще до начала ожидавшейся войны отдавалась операционная инициатива на морском театре.

Главным пороком планов русского командования в предстоящей войне была явная недооценка военной силы Японии. Вероятного противника не только недооценивали, но еще и не изучали должным образом. Русский военный агент (современный военный атташе) в Японии давал ее армии в 1900 году следующую оценку:

«Японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустройства... Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых нуждается устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав».

Бывший тогда военным министром генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин написал на этом документе: «Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый».

Япония относилась к изучению будущего противника самым серьезным образом, чего в России не делалось. Перед войной японцы усиленно собирали по всей Европе и изучали все, что имело хоть какое-то отношение к русским вооруженным силам. Русская агентура сообщала, что на Японских островах издается так много печатных трудов о России и ее армии, что можно без труда собрать из них ценную библиотеку.

Японцы, звавшие реальную силу русской армии на Дальнем Востоке до прибытия сюда подкреплений и осведомленные об обстановке в России, были уверены, что быстро добьются господства на море. План императорского командования на войну с Россией предусматривал:

- завоевание превосходства на море путем внезапного нападения на порт-артурскую эскадру и ее уничтожение, пленение русских кораблей в Корее и Китае;

- захват Кореи и высадку в начале войны армии в Цинampo, а после завоевания господства на море и вторжения японской армии через реку Ялу в пределы Маньчжурии – высадку трех армий на Ляодунском полуострове, занятие Квантуна с Порт-Артуром, уничтожение остатков русского флота, разгром главной группировки русских войск в районе Ляояна и захват всей Маньчжурии, если же Россия не пойдет на мир – уничтожение русских корпусов по частям по мере подхода их из Центральной России;

- захват Уссурийского и Приамурского краев. Один из виднейших и влиятельнейших государственных деятелей Японии того времени граф Окума заявил: «Мы должны воевать с Россией из принципа. Нам необходимо перебраться на материк. Наши землевладельцы сеют хлеб на скалах. У нас нет земли, где мы могли бы работать. Нам необходимо бороться не на жизнь, а на смерть».

Основной задачей японцы считали овладение морем. По их расчетам, господство на море будет достигнуто ими уже в первые дни войны. Русский флот, уступающий японскому по количеству и качеству в два раза, не сможет одновременно защищать Порт-Артур, Владивосток, Сахалин и противодействовать высадке неприятельских десантов. Он будет не в состоянии пополняться и быстро вводить в строй поврежденные корабли, поскольку основная ремонтная база находилась... на Балтике. Да и путь туда и обратно был достаточно долог.

Идея японского плана боевых действий на суше сводилась к следующему. Три армии, проводя операции самостоятельно и имея базы и коммуникационные линии, будут продвигаться на север медленно, методично, в строгом взаимодействии, сохраняя приблизительно одинаковое расстояние до Ляояна. В конце концов, все три японские армии охватят полукругом русскую армию и разгромят ее.

Япония морально и материально загодя подготовилась к войне с Россией, о чем в Санкт-Петербурге мало кто догадывался и понимал суть происходящего у дальневосточных рубежей Российской империи. В своем послевоенном отчете о Русско-японской войне бывший военный министр Николая II генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин с запоздалым откровением писал следующее:

«Мы были довольно хорошо осведомлены с материальной стороной японской военной силы. Но мы проглядели и неверно оценили моральную стоимость этой силы. Мы проглядели, в каком патриотическом, воинственном направлении много лет велось воспитание японского народа, проглядели постановку школьного дела в Японии, где вместе с горячей любовью к родине с малых лет подготавливались даже в начальных школах будущие воины.

Проглядели, с какой гордостью служили японцы в своей армии, и с каким глубоким доверием и уважением относился японский народ к ней. Проглядели железную дисциплину в этой армии. Проглядели роль самураев-офицеров в армии.

Мы совершенно не оценили значения того возбуждения против нас, какое явилось после лишения японцев результатов их побед над Китаем. Не оценили, что корейский вопрос был жизненным вопросом для японцев. Не оценили, что партия молодой Японии долго настаивала на войне с Россией и только сдерживалась благоразумным правительством. С началом войны мы прозрели, но было уже поздно...»

Здесь следует оговориться. Снятый с должности главы вооруженных сил России в Маньчжурии, Куропаткин, естественно, хотел снять с себя хотя бы часть вины за поражение, которая падала в первую очередь именно на него. Поэтому он в таких самых «высоких» тонах подчеркивает моральное превосходство японцев в войне. Хотя, несомненно, царский генерал-адъютант во многом прав.

Куропаткин прав здесь в главном, в подстрочном выводе. Противника в лице японской армии следовало основательно знать еще перед началом войны, а не на ее завершающем этапе.

К слову говоря, всероссийский император Николай II, внимательно прочитавший послевоенный отчет своего бывшего военного министра и главнокомандующего в Маньчжурии, повелел его не публиковать, хотя и не комментировал прочитанное. Но куропаткинский отчет о Японской войне все же нашел своих читателей и стал достоянием отечественной истории.

В империи на Японских островах уже в конце XIX столетия властвовала идея о священной миссии Страны восходящего солнца по защите азиатских народов от «белых варваров». Во второй догме официальной государственной политики Японии – синто говорилось:

«Объединить мир под главенством японцев – таковой считалась их историческая миссия. Япония – центр мира, в котором благодаря исключительно счастливому положению, развитию и силе фактически сосредотачивается верховная власть над политикой и торговлей всего света».

С древних времен японцы с большим вниманием относились к искусству шпионажа. Поэтому они заблаговременно создали на театре будущей войны широкую шпионскую сеть. В японской армии и на флоте было немало людей, хорошо знакомых с Россией. Так, начальник разведывательного отдела 1-й императорской армии полковник Хагино прожил в России семь лет. А начальник штаба маршала Ивао Оямы – главного штаба японских войск – генерал Кодама долгое время жил в Амурской области.

К началу войны Япония смогла в целом реализовать 7-летнюю кораблестроительную программу, которая была начата в 1895 году: на нужды флота уходило до 30 процентов военного бюджета. Общая стоимость кораблестроительной программы составляла 95 миллионов иен. И все для того, чтобы завоевать господство на море. Пока только в Желтом и Японском. За границей заказывались самые современные корабли:

– в Англии шло строительство 6 эскадренных броненосцев; в Англии, Франции и Германии строились 6 броненосных крейсеров 1-го класса с мощным артиллерийским вооружением:

– в Англии и Соединенных Штатах на кораблестроительных верфях возводилось 5 небронированных быстроходных крейсеров; в самой Японии спешно строилось 3 минных крейсера для будущей осады с моря русской Порт-Артурской крепости;

– в Англии строилось 11 минных истребителей (или больших эскадренных миноносцев); во Франции и Германии шло строительство 23 миноносцев водоизмещением более 100 тонн, а также строился 31 миноносец с несколько меньшим водоизмещением – более 80 тонн:

– и, наконец, на японских кораблестроительных верфях строилось 35 малых кораблей – миноносок.

Как только японское правительство получило сведения о намерении России усилить Тихоокеанскую эскадру, первая кораблестроительная программа была признана недостаточной. Вторая программа, разработанная в 1896 году, предусматривала форсирование строительства флота и баз для него. На это из казны отпускалось уже 118 миллионов иен. Всего на армию и флот с 1896 по 1903 год Страна восходящего солнца израсходовала 773 миллиона иен.

Усиленная подготовка Японской империи к войне, естественно, не осталась незамеченной Россией. Еще в ноябре 1895 года в Санкт-Петербурге было созвано особое совещание при особе императора Николая II, которое, среди прочих, пришло к такому выводу:

«Япония подгоняет окончание своей судостроительной программы к году окончания постройки Сибирского пути, что указывает на возможность вооруженного столкновения в 1903–1906 годах».

Прогноз на ближайшее будущее был достаточно верен. Но... основные силы русской армии в предвидении войны с Германией и ее союзницей Австро-Венгрией Россия держала в европейской части страны. Военно-морские силы реально наращивались, прежде всего, в Балтийском море. Вплоть до самого конца XIX века внимание обороне дальневосточных границ почти не уделялось. Наблюдение за побережьем Тихого океана в Приморье в 1895 году вели 2 батальона пехоты и казачья сотня, обеспеченные двумя артиллерийскими батареями.

Военное министерство, не желая отправлять кадровые части из Центральной России на Дальний Восток, на Тихоокеанскую окраину Российской империи, усиливало там войска за счет переформирования сил Приамурского военного округа и призыва на службу, прежде всего, местных запасников.

В результате проведения таких организационных мероприятий на больших пространствах Приамурского военного округа и Квантунского укрепленного района к началу Русско-японской войны насчитывалось 68 пехотных батальонов, 35 казачьих сотен и кавалерийских эскадронов, 13 инженерных рот, крепостной пехотный батальон, 5 крепостных инженерных рот, 4,5 батальона крепостной артиллерии. Эти войска имели на вооружении 120 полевых, 16 горных и 12 конных орудий. Войска Приамурского военного округа перед войной организационно были сведены в 1-й и 2-й Сибирские корпуса.

В российской столице были озабочены обеспечением безопасности государственной границы в Европе. Дальний же Восток все получал в самую последнюю очередь. Здесь ставка в немалой степени делалась на мощь еще не достроенных морских крепостей – Порт-Артура и Владивостока. Главную их силу составляла артиллерия крупных калибров. Она состояла из 4 батальонов крепостной артиллерии, крепостной артиллерийской роты и 3 команд. 2 батальона находились во Владивостоке, 2 – в Квантунской области, рота стояла в Николаевске (Николаевске-на-Амуре), защищая вход в устье Амура.

Сооружение крепости Порт-Артур – главнейшего опорного пункта на Ляодунском полуострове – не только не завершилось к началу Русско-японской войны, но даже и не планировалось на эти годы. Порт-Артур как морская крепость занимал чрезвычайно выгодное положение на Желтом море. Отсюда русский флот мог постоянно держать под ударами Корейский и Печилийский заливы – важнейшие операционные линии японской армии в случае ее высадки в Маньчжурии.

Как главная база Тихоокеанской эскадры Порт-Артур оборудован был плохо. Внутренняя гавань для стоянки кораблей была тесна, мелководна, имела всего один выход, причем очень узкий и мелкий. Большие корабли, особенно эскадренные броненосцы, могли выходить

в море и возвращаться в гавань только во время прилива, и то при помощи буксиров. Внешний рейд, совершенно открытый, был опасен для стоянки кораблей. Якорная стоянка на внешнем рейде в силу своей незащищенности допускала возможность ночной минной (торпедной) атаки противником.

Смета на строительство военно-морского порта была представлена на подпись российскому императору Николаю II в 1899 году. Работы начались лишь в 1901-м и разделялись на два этапа, причем первый из них был рассчитан на 8 лет! Поэтому к началу боевых действий порт-артурский порт не имел ни доков для ремонта кораблей, ни искусственно углубленного внутреннего рейда. Не начиналась и постройка молов для защиты внешнего рейда от штормовой погоды.

Автор первого проекта вооружений крепости генерал-лейтенант Конович-Горбацкий считал, что Порт-Артур будет осажден противником в самом начале войны. Он предлагал для защиты города и флота от артиллерийского огня «с суши вынести пояс фортов дальше к северу и северо-западу, оставив в расположении крепости командные высоты».

Чиновники Военного ведомства, рассматривая проект, не согласились с ним. Свое несогласие они мотивировали тем, что удлинение линии фортов потребует много орудий и больших материальных затрат на фортификационные работы. Поэтому был принят более дешевый проект, подготовленный военным инженером Величко.

По этому проекту на приморском фронте протяженностью до 9 километров намечалось построить 27 батарей долговременного типа, а на сухопутном фронте протяженностью до 22 километров – 8 фортов, 9 укреплений, 6 долговременных батарей и 8 редутов. На вооружении крепости намечалось иметь 552 орудия различных калибров и 48 пулеметов.

При этом намечалось заметное уменьшение толщины бетонных перекрытий. Величко и его прямое начальство исходило из того, что у противника никак не могло быть более 40 осадных орудий калибром более 122 миллиметров.

Фортификационные сооружения Порт-Артура строились чрезвычайно медленно. К тому же во главе строительства крепости оказались люди нечестные, привлеченные впоследствии за финансовые злоупотребления к уголовной ответственности. К началу войны на приморском фронте было возведено всего 9 батарей долговременного типа и 12 временных. Хуже обстояло дело на сухопутном фронте: там был построен лишь один форт, 3 временных укрепления и 3 литерные батареи. В постройке находились 3 форта, литерная батарея и несколько других, менее значительных укреплений. Сооружение других фортификационных объектов даже не начиналось.

Неблагополучным было и положение дел с вооружением русской крепости на берегу Желтого моря. К февралю 1904 года крепость Порт-Артур имела на вооружении всего 106 орудий, готовых к открытию огня. Из них на морском направлении было установлено 108 орудий, а на сухопутном фронте – только 8.

Приморские батареи Порт-Артура проектировались и строились военными инженерами, далекими от флота. В итоге большинство бетонированных укреплений оказались не приспособленными для борьбы с вражеским броненосным флотом. В этих, стоивших миллионы рублей, крепостных сооружениях размещалась, как правило, устаревшая артиллерия. У орудий, установленных на приморском фронте, дальноточность была меньше, чем у новых японских корабельных систем, а скорострельность не превышала одного выстрела в три минуты. Крепостные батареи располагались открыто и являлись прекрасной мишенью для корабельной артиллерии противника.

Летом 1903 года российский военный министр генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин инспектировал войска Дальнего Востока. Он тщательно ознакомился с оборонительными сооружениями крепости. По возвращении в столицу в докладе императору Николаю II глава Военного ведомства успокоительно писал следующее:

«Укрепления Порт-Артура приходят к концу и сделают его при достаточном гарнизоне и запасах неприступным с моря и с суши. Гарнизон Квантуна усилился в значительной степени. Ныне можно не тревожиться, если даже большая часть, например, японской армии обрушится на Порт-Артур. Мы имеем силы и средства отстоять Порт-Артур, даже борясь один против 5—10 врагов...

Дальнейшие работы дадут возможности найти безопасное убежище всей нашей Тихоокеанской эскадре. Уже и ныне эта эскадра может смело мерить силы со всем флотом Японии с надеждою на полный успех. Таким образом, Порт-Артур, обеспеченный с моря и с суши, снабженный сильным гарнизоном и поддержанный могущественным флотом, представляет вполне самостоятельную силу. Запасов собрано столько, что наши войска успеют собраться в Маньчжурии, нанести решительное поражение противнику и освободить осажденный или блокированный Порт-Артур.

Два года назад, даже год тому назад, мы могли тревожиться оторванностью Порт-Артура от России и Приамурья. Теперь можно и не тревожиться».

Куропаткинский вывод из всего вышеизложенного был поразителен и для современников, и для истории. Российский военный министр предлагал императору... сократить расходы на оборону Дальнего Востока!

Генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, как военный министр Российской империи и в скором времени главнокомандующий русской Маньчжурской армии, безусловно, переоценивал силы и возможности русских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Равно как он и недооценивал реального противника в лице армии и флота Японской империи.

Вяло велись работы и по укреплению обороноспособности морской крепости Владивосток. Владивостокский крепостной район разделялся на две обособленные части: обширный полуостров Муравьева-Амурского, вытянутый с северо-востока на юго-запад, и остров Русский, отделенный от материка проливом Босфор Восточный. Глубоководная бухта Золотой Рог, хотя и небольшая по акватории, являлась удобнейшей стоянкой для военных кораблей, в том числе броненосных всех классов. Таких удобных бухт на берегах Тихого океана набиралось по счету немного.

Накануне войны Владивостокская крепость находилась явно в неудовлетворительном состоянии, особенно это касалось ее артиллерийской вооруженности и наличия долговременных крепостных сооружений, причалов морского порта. Военный министр А.Н. Куропаткин после посещения Владивостока со всей откровенностью записал в своем дневнике следующее впечатление:

«Общее впечатление неблагоприятное – не вижу идеи в применении к местности. Сажали батареи и укрепления там, где по местности это было выгодно, не связывая с общей идеей то, что делали... Артиллерийское вооружение в общем устарелых образцов».

Однако посещение военным министром Владивостока имело позитивный результат. Был принят ряд мер по усилению крепости, однако намеченные фортификационные работы к началу Русско-японской войны не были завершены. Главная линия обороны, проходившая в 3–5 километрах от города и состоявшая из северного и южного фронтов, имела ряд укреплений, соединенных непрерывной оградой.

С суши и со стороны Японского моря оборона города-крепости опиралась на пять фортов, три люнета, два редута, два временных укрепления и 11 открытых артиллерийских батарей. Во время Русско-японской войны в крепости сооружено было много окопов, блиндажей и других сооружений полевой фортификации.

Сильным от природы форпостом Владивостокской крепости являлся остров Русский, с крутыми обрывистыми берегами и с несколькими удобными, защищенными со стороны моря бухточками. В северной части острова Русский были сооружены два форта и пять открытых орудийных позиций. Близость к городу позволяла в трудную минуту усиливать гарнизон ост-

рова, а созданная система наблюдения и оповещения гарантировала безопасность от внезапного появления вражеского флота перед крепостью.

Главная линия крепостной обороны по своей дальности не обеспечивала защиту города Владивостока от артиллерийского обстрела японцами с моря. На вооружении крепости состояло 400 орудий, из них крепостных, крупнокалиберных было только 80.

Опасность состояла в том, что в случае японского десанта на юге Приморского края и осады Владивостокской крепости ее защитникам крайне трудно было бы вести с неприятелем контрбатарейную борьбу. Японская армия имела большой парк тяжелых осадных орудий, который насчитывал от 10 до 180 единиц.

Оставались нерешенными и многочисленные проблемы тылового обеспечения русских военных сил на Дальнем Востоке. Там не создавались предприятия оборонной промышленности, которая могла бы хотя частично обеспечивать действующую армию боеприпасами, снаряжением, производить ремонт вооружения и судовых механизмов.

Потребность в военно-промышленной базе на Тихоокеанской окраине Российской империи обуславливалась наличием всего одной Сибирской железной дороги, связывавшей Дальний Восток с центром страны. Морские перевозки в случае войны отсутствовали.

Сибирская железная дорога, возводившаяся в крайне тяжелых географических условиях, еще не была достроена и обустроена. В силу этого она обладала крайне низкой пропускной способностью: в начале войны всего три пары воинских поездов в сутки. Лишь через пять месяцев количество поездов увеличилось до 7–8, а к концу войны оно достигло 14 пар в сутки. От Челябинска до Ляояна эшелон с войсками шел более 20 суток, из российской столицы до столицы КВЖД – города Мукдена – около 50 суток. Русское командование при организации тыла Маньчжурской армии «забыло» использовать судоходные реки Амур и Уссури.

Поэтому сосредоточить в кратчайшие сроки в Маньчжурии полумиллионную русскую армию, снабженную всем необходимым для ведения боевых действий, как предполагало высшее военное командование России, было практически невозможно. Все дело упиралось в Транссибирскую железнодорожную магистраль. Война с Японией со всей убедительностью доказала это.

Железнодорожные перевозки требовали постоянной охраны. Во всех районах Маньчжурии действовали многочисленные банды хунхузов, которые помимо грабежа китайских деревень, регулярно нападали на КВЖД и особенно часто на русские обозы, когда тыловые грузы перевозились на гужевом транспорте погонщиками-китайцами. Хунхузы старались в первую очередь захватить продовольствие. Слабость местной китайской администрации потребовала от русского командования усиленной охраны армейских тылов и коммуникаций.

Между тем отношения России с Японией ухудшались не с каждым годом, а с каждым месяцем. Различные милитаристские и шовинистические организации раздували на Японских островах антироссийскую пропаганду. Столичные и провинциальные газеты пестрели статьями, в которых читателям старательно доказывалось, что Япония легко выиграет войну с Россией. Так, в газете «Ниппон Симбун» от 18 сентября 1903 года анонимный автор в самурайском духе писал:

«Я как военный стою за войну. Экономические соображения не должны играть роли, затронута честь государства... Нынешние отношения с Россией должны окончиться войной. Театром войны будет пространство от корейской границы до Ляодунского полуострова включительно. Наша армия знает эти поля... Напрасно думают, что война будет продолжаться 3–5 лет. Русская армия уйдет из Маньчжурии, как только флот русский будет разбит».

С целью еще больше обострить обстановку на Дальнем Востоке Токио летом 1903 года возобновило переговоры с Санкт-Петербургом. Требования Японии касательно Кореи и Маньчжурии вскоре превзошли допустимое. Император Николай II писал царскому наместнику

адмиралу Е.И. Алексееву, что надо «дать понять японскому правительству, что права и интересы свои в Маньчжурии Россия намерена отстаивать вооруженной рукой».

В Токио спешно готовились к разрешению противоречий с Россией силой «уже отточенного» оружия. Кроме протектората над Кореей, японцы с провокационной целью потребовали доступ в Южную Маньчжурию. Российское правительство, естественно, отвергло такое требование. Если протекторат над Кореей оно и готово было признать с некоторыми оговорками, то взамен потребовало полного отказа японской стороны от других претензий.

23 декабря 1903 года со стороны Японии уже в ультимативной форме последовали новые предложения относительно южной Маньчжурии. Нота подкреплялась бряцанием оружия: начались спешные перевозки боеприпасов в военно-морские порты, прекратились занятия в морской академии, артиллерийской и минной школах, был объявлен призыв резервистов в армию, отменены все пароходные рейсы в Америку и Австралию, в экстренном порядке стали мобилизовывать гражданские суда для перевозки войск, началась подготовка к отправке в Корею трех пехотных бригад...

Правительство России, ощущая собственную неготовность к большой войне на Дальнем Востоке, согласилось признать интересы Японии в Маньчжурии. Но только в той мере, в какой их имели державы Европы. Японская сторона отвергла такое предложение, и в Токио начался новый всплеск националистической агитации за немедленную войну.

Барон Шибубава на собрании в клубе столичных банкиров заявил: «Если Россия будет упорствовать в нежелании пойти на уступки, если она заденет часть нашей страны, тогда даже мы, миролюбивые банкиры, не будем в силах далее сохранять терпение, мы выступим с мечом в руке». На страницах газеты «Ници-Ници» появился лозунг: «Бейте и гоните дикую орду, пусть наше знамя водрузится на вершинах Урала».

Масла в огонь подлил американский президент Теодор Рузвельт, официально заявивший, что в предстоящей войне США будут придерживаться благоприятного для Японии нейтралитета. За несколько дней до начала войны Токио посетил, безусловно, не с целью экскурсии, американский военный министр Тафт.

Царское правительство, предпринимая экстренные меры по наращиванию военных сил на Дальнем Востоке, старалось затянуть переговоры в надежде, что в ближайшее время Япония все же не решится на вооруженное выступление. Российскому послу в Токио была направлена телеграмма, в которой Японии делались новые уступки. Но японские власти задержали телеграмму в Нагасаки (или в самом Токио).

И тогда под предлогом неполучения ответа на свои требования империя на Японских островах 24 января 1904 года порвала дипломатические отношения с Россией. Российскому посланнику барону Розену было предложено вместе с миссией незамедлительно покинуть Токио. По сути дела, это было неофициальным объявлением войны.

Японский посол в Санкт-Петербурге Куримо, отзывавшийся из России, получил от своего шефа барона Комуры телеграмму следующего содержания: «Японское правительство решило окончить ведущиеся переговоры и принять такое независимое действие, какое признает необходимым для защиты своего угрожаемого положения и для охраны своих прав и интересов».

По той информации, которая поступала из Токио, и характеру поведения японской дипломатической миссии на переговорах в Санкт-Петербурге было совершенно очевидно, что Страна восходящего солнца не собирается урегулировать спорные вопросы на Дальнем Востоке путем мирных переговоров и твердо решила воевать со своим соседом.

Японцы лишь ждали наиболее благоприятного момента. Он определялся завершением последних приготовлений к войне и, в частности, прибытием новейших броненосных крейсеров «Ниссин» и «Касуга» на острова. На основании этой информации можно было с точностью до нескольких дней установить время начала Русско-японской войны.

Многие русские военные руководители своевременно предупреждали правительство и лично государя о неотвратимости войны и наиболее вероятном способе ее начала со стороны неприятеля. Первым это сделал контр-адмирал С.О. Макаров, который за десять лет до начала Японской войны в докладе морскому министру вице-адмиралу Ф.К. Авелану указывал, что активные действия японцев против России на Дальнем Востоке, вероятнее всего, начнутся с «нападения на русский флот с целью его уничтожения».

В новой секретной записке начальника кронштадтского порта уже вице-адмирала С.О. Макарова, направленной в Главный морской штаб 8 марта 1900 года, тревожно подчеркивалось:

«Сухопутная оборона Порт-Артура 22 версты, местность крайне пересеченная, и на нее назначают лишь 200 орудий, хотя подкомиссия, проектировавшая вооружение Порт-Артура, требовала 447 орудий. Представляется существенная опасность, чтобы полумера эта не имела пагубных последствий.

Япония, прежде всего, займет Корею, а нашему флоту, оперирующему вдали от баз, будет невозможно помешать высадке японцев в каком угодно месте. Заняв Корею, японцы двинутся к Квантунскому полуострову и сосредоточат там более сил, чем у нас. Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке».

Это было прозорливо сказано о финале Японской войны в 1905 году флотоводцем С.О. Макаровым в 1900 году, когда многое на будущем театре военных действий можно было поправить.

Как же в Главном морском штабе откликнулись на макаровскую секретную записку? Управляющий Морским министерством адмирал П.П. Тыртов в своей резолюции обвинил будущего героя порт-артурской эпопеи чуть ли не в паникерстве. В тыртовской резолюции, среди прочего, подчеркнуто говорилось:

«...Не могу не обратить внимания адмирала Макарова на его несколько пессимистический взгляд на оборону Порт-Артура».

Аналитический вывод о возможности внезапного нападения на русскую Тихоокеанскую эскадру в месте базирования (в Порт-Артуре) был сделан и на основании стратегической игры, проводившейся в Морской академии в 1902–1903 годах. Однако и этот вывод в виде письменного заключения не был принят во внимание, будучи сдан на хранение в архив. Подобную участь ранее постиг и макаровский доклад морскому министру.

Императору Николаю II подавались для прочтения военным и морским министрами совсем иные доклады о положении дел на Дальнем Востоке и, в частности, в Порт-Артуре. В них не виделось скорой опасности вспышки войны с Японией, тон и содержание были успокоительные: все у нас хорошо, мы на берегах Тихого океана крепки, к нам не сунутся.

Опытного во флотском деле командира Кронштадтского военного порта С.А. Макарова беспокоила и неподготовленность Тихоокеанской эскадры к началу боевых действий. Уж кто-кто, а он знал, что такое повседневная боеготовность броненосного флота, которой он занимался при исполнении должности первого флагмана практической эскадры флота Балтийского моря.

Словно в подтверждение этой озабоченности, младший флагман Тихоокеанской эскадры контр-адмирал князь П.П. Ухтомский писал, что будущий театр военных действий не изучался должным образом. Корабли, «кроме Дальнего и бухты «Десяти кораблей» никуда не ходили», берегов наших не знали». Артиллерийские стрельбы на флоте Тихого океана провозились редко.

Говоря о взаимодействии порт-артурской эскадры с береговой крепостной обороной, тот же контр-адмирал П.П. Ухтомский отмечал, что когда началась война, «наши миноносцы боялись подходить к нашим берегам, опасаясь быть расстрелянными своими же батареями».

Говоря о неподготовленности русского флота на Тихом океане к войне с Японией, командир эскадренного броненосца «Севастополь» капитан 1-го ранга Н.О. Эссен отметил: «Весь

строй нашей судовой жизни очень далек от боевых условий». Еще резче высказался один из русских адмиралов, заявивший, что «наш современный в русско-японской войне флот представлял в смысле тактической подготовки нечто вроде «морской милиции», но не «регулярной» военной силы».

Конечно, когда осенью 1903 года начался последний этап подготовки Японии к войне, российская сторона за оставшиеся до начала боевых действий три месяца просто не могла наверстать то, что не было сделано за предыдущие десять лет. Однако и этого времени хватило бы на то, чтобы принять целый ряд мер для повышения обороноспособности российского Дальнего Востока. В частности, повысить боеготовность сухопутных войск и обеспечить безопасность кораблей Тихоокеанской эскадры на случай внезапного нападения на них японских морских сил. Но и этого не было сделано.

Нельзя сказать, что военные и государственные руководители России вообще не понимали всей серьезности сложившейся на Дальнем Востоке обстановки и не принимали частичных мер к обеспечению обороноспособности тихоокеанской окраины государства. Что бы ни писали о проигранной войне, такая тревога в действительности была.

Так, 13 января 1904 года царский наместник адмирал Е.И. Алексеев телеграфировал министру иностранных дел графу В.И. Ламсдорфу:

«Существенное разногласие между Россией и Японией вполне выяснено, способа для достижения соглашения взаимной уступчивости нет, вооруженное столкновение с Японией неизбежно, можно только отдалить его, но не устранить».

Из этой телеграммы видно, что царский наместник, две недели спустя назначенный императором Николаем II главнокомандующим вооруженными силами России на Дальнем Востоке, реально оценивал ситуацию. Он предлагал предпринять некоторые меры по повышению боеготовности русской армии в восточных областях государства и ее частичному развертыванию. Такое развертывание в устремленной к войне Японии было сделано уже давно.

Еще в декабре 1903 года адмирал Е.И. Алексеев запросил у государя разрешение объявить мобилизацию на территории Дальнего Востока и в сибирских губерниях. Одновременно он просил ввести военное положение в Маньчжурии, Владивостоке и Порт-Артуре и выдвинуть часть войск прикрытия на рубеж пограничной реки Ялу.

25 декабря военный министр сообщил дальневосточному наместнику о разрешении провести намеченные мероприятия, за исключением выдвижения русских войск на берега реки Ялу. Последнее, по мнению правительства, могло ускорить войну.

Однако через несколько дней из Санкт-Петербурга последовало новое высочайшее распоряжение, отменявшее ранее данное распоряжение на мобилизацию и введение военного положения. Император Николай II и его министры опять-таки опасались, что такие действия российской стороны ускорят войну с Японией.

Придавая большое значение своевременному развертыванию части сил русской армии, адмирал Е.И. Алексеев 4 января 1904 года вновь обратился к государю за разрешением занять хотя бы небольшими заградительными отрядами некоторые пограничные с Кореей пункты. Только 9 января такое разрешение пришло, и воинские части, намеченные для этой цели, стали готовиться к выдвижению на рубеж пограничной реки Ялу.

7 января последовал приказ готовиться к переводу на военное положение крепостей Порт-Артур и Владивосток. Одновременно были разработаны и введены в действие приказом адмирала Е.И. Алексеева инструкции по охране кораблей Тихоокеанской эскадры на внешнем порт-артурском рейде. Русские миноносцы впервые вышли в Желтое море для несения дозорной службы.

20 января царский наместник вновь запросил у правительства разрешения объявить мобилизацию войск Дальнего Востока и Сибири и дать указание об использовании флота в слу-

чае высадки японцев в Корею. При этом он высказал свое мнение о целесообразности использования морских сил для противодействия высадке японской армии в порту Чемульпо.

Но... высочайшее разрешение на мобилизацию и инструкции об использовании Тихоокеанской эскадры пришли в Порт-Артур 27 января, после начала войны. А армия и флот империи на Японских островах уже были отмобилизованы, и речь там шла о наращивании сил и их переброске на материк.

Сперва была объявлена мобилизация войск дальневосточного наместничества, затем Сибирского военного округа (4-го армейского Сибирского округа), а в начале февраля 1904 года – запасных Вятского и Пермского уездов. Мобилизация проходила без каких-либо осложнений, если не считать громадных расстояний для доставки призванных в армию запасников.

Гораздо проще обстояло дело с мобилизацией Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Сибирского, части Оренбургского и Уральского казачьих войск. Казачьи полки привычно собирались и выступали на войну, куда приказано, в считанные дни.

Большой ошибкой российской власти было запоздалое назначение высшего командования русскими сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. Если главнокомандующий маршал Ивао Ояма, командующие армиями, намеченными для высадки на материке, и действующим флотом назначались микадо за несколько месяцев до начала войны, то в Санкт-Петербурге решились на такой шаг только после начала боевых действий.

Командующий русской Маньчжурской армией генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин и командующий флотом Тихого океана вице-адмирал С.О. Макаров получили свое назначение после прихода на берега Невы, в столицу, вести о нападении японцев на русские корабли в Порт-Артуре и Чемульпо.

Поэтому то, что командующие со своими штабами обычно делают в подготовительный, предвоенный период (изучение оперативных планов, обстановки на театре военных действий, состояние войск и флота), полководец А.Н. Куропаткин и флотоводец С.О. Макаров вынуждены были делать в условиях уже начавшейся войны. Свое командование Маньчжурской армией и флотом Тихого океана они начали в поезде, который шел из российской столицы в Порт-Артур не одну неделю.

27 января был обнародован Высочайший манифест всероссийского монарха Николая II Александровича Романова с официальным объявлением о начале Русско-японской войны. Манифест гласил:

«В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существующих между обеими империями соглашений по корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией.

Не преуведомив об этом, что перерыв таких сношений знаменует собой открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженной силой ответить на вызов Японии.

Объявляя о таком решении Нашем, Мы с непоколебимой верой в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных, встать вместе с Нами на защиту Отечества, призываем благословление Божие на доблестные Наши войска армии и флота».

Высочайший манифест микадо – императора Японии о начале войны с Россией официально вышел на следующий день после опубликования российского, 28 января. В японском императорском манифесте говорилось следующее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.